Книга посетителей

Константин Симонов

SHOUT
SHARE
IT

- Симонов Константин
  - ○

Симонов Константин
Книга посетителей

Симонов Константин Михайлович
Книга посетителей
Рассказ

Высокий, покрытый хвойным лесом холм, на котором похоронен Неизвестный солдат, виден почти с каждой улицы Белграда. Если у вас есть бинокль, то, несмотря на расстояние в пятнадцать километров, на самой вершине холма вы заметите какое-то квадратное возвышение. Это и есть могила Неизвестного солдата.

Если вы выедете из Белграда на восток по Пожаревацкой дороге, а потом свернете с нее налево, то по узкому асфальтированному шоссе вы скоро доедете до подножия холма и, огибая холм плавными поворотами, начнете подниматься к вершине между двумя сплошными рядами вековых сосен, подножия которых опутаны кустами волчьих ягод и папоротником.

Дорога выведет вас на гладкую асфальтированную площадку. Дальше вы не проедете. Прямо перед вами будет бесконечно подниматься вверх широкая лестница, сложенная из грубо обтесанного серого гранита. Вы будете долго идти по ней мимо серых парапетов с бронзовыми факелами, пока наконец не доберетесь до самой вершины.

Вы увидите большой гранитный квадрат, окаймленный мощным парапетом, и посредине квадрата наконец самую могилу - тоже тяжелую, квадратную, облицованную серым мрамором. Крышу ее с обеих сторон вместо колонн поддерживают на плечах восемь согбенных фигур плачущих женщин, изваянных из огромных кусков все того же серого мрамора.

Внутри вас поразит строгая простота могилы. Вровень с каменным полом, истертым бесчисленным множеством ног, вделана большая медная доска.

На доске вырезано всего несколько слов, самых простых, какие только можно себе представить:

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ
И дата:
1912-1918

А на мраморных стенах слева и справа вы увидите увядшие венки с выцветшими лентами, возложенные сюда в разные времена, искренне и неискренне, послами сорока государств.

Вот и все. А теперь выйдите наружу и с порога могилы посмотрите во все четыре стороны света. Быть может, вам еще раз в жизни (а это бывает в жизни много раз) покажется, что вы никогда не видели ничего красивее и величественнее.

На востоке вы увидите бесконечные леса и перелески с вьющимися между ними узкими лесными дорогами.

На юге вам откроются мягкие желто-зеленые очертания осенних холмов Сербии, зеленые пятна пастбищ, желтые полосы жнивья, красные квадратики сельских черепичных крыш и бесчисленные черные точки бредущих по холмам стад.

На западе вы увидите Белград, разбитый бомбардировками, искалеченный боями и все же прекрасный Белград, белеющий среди блеклой зелени увядающих садов и парков.

На севере вам бросится в глаза могучая серая лента бурного осеннего Дуная, а за ней тучные пастбища и черные поля Воеводина и Баната.

И только когда вы окинете отсюда взглядом все четыре стороны света, вы поймете, почему Неизвестный солдат похоронен именно здесь.

Он похоронен здесь потому, что отсюда простым глазом видна вся прекрасная сербская земля, все, что он любил и за что он умер.

Так выглядит могила Неизвестного солдата, о которой я рассказываю потому, что именно она будет местом действия моего рассказа.

Правда, в тот день, о котором пойдет речь, обе сражавшиеся стороны меньше всего интересовались историческим прошлым этого холма.

Для трех немецких артиллеристов, оставленных здесь передовыми наблюдателями, могила Неизвестного солдата была только лучшим на местности наблюдательным пунктом, с которого они, однако, уже дважды безуспешно запрашивали по радио разрешения уйти, потому что русские и югославы начинали все ближе подходить к холму.

Все трое немцев были из белградского гарнизона и прекрасно знали, что это могила Неизвестного солдата и что на случай артиллерийского обстрела у могилы и толстые и прочные стены. Это было по их мнению, хорошо, а все остальное их нисколько не интересовало. Так обстояло с немцами.

Русские тоже рассматривали этот холм с домиком на вершине как прекрасный наблюдательный пункт, но наблюдательный пункт неприятельский и, следовательно, подлежащий обстрелу.

- Что это за жилое строение? Чудное какое-то, сроду такого

не видал,говорил командир батареи капитан Николаенко, в пятый раз внимательно рассматривая в бинокль могилу Неизвестного солдата.- А немцы сидят там, это уж точно. Ну как, подготовлены данные для ведения огня?

- Так точно! - отрапортовал стоявший рядом с капитаном командир взвода молоденький лейтенант Прудников.

- Начинай пристрелку.

Пристрелялись быстро, тремя снарядами. Два взрыли обрыв под самым парапетом, подняв целый фонтан земли. Третий ударил в парапет. В бинокль было видно, как полетели осколки камней.

- Ишь брызнуло!-сказал Николаенко.- Переходи на поражение.

Но лейтенант Прудников, до этого долго и напряженно, словно что-то вспоминая, всматривавшийся в бинокль, вдруг полез в полевую сумку, вытащил из нее немецкий трофейный план Белграда и, положив его поверх своей двухверстки, стал торопливо водить по нему пальцем.

- В чем дело? - строго сказал Николаенко.- Нечего уточнять, все и так ясно.

- Разрешите, одну минуту, товарищ капитан,- пробормотал Прудников.

Он несколько раз быстро посмотрел на план, на холм и снова на план и вдруг, решительно уткнув палец в какую-то наконец найденную им точку, поднял глаза на капитана:

- А вы знаете, что это такое, товарищ капитан?

- Что?

- А все - и холм, и это жилое строение?

- Ну?

- Это могила Неизвестного солдата. Я все смотрел и сомневался. Я где-то на фотографии в книге видел. Точно. Вот она и на плане - могила Неизвестного солдата.

Для Прудникова, когда-то до войны учившегося на историческом факультете МГУ, это открытие представлялось чрезвычайно важным. Но капитан Николаенко неожиданно для Прудникова не проявил никакой отзывчивости. Он ответил спокойно и даже несколько подозрительно:

- Какого еще там неизвестного солдата? Давай веди огонь.

- Товарищ капитан, разрешите!-просительно глядя в глаза Николаенко, сказал Прудников.

- Ну что еще?

- Вы, может быть, не знаете... Это ведь не просто могила. Это, как бы сказать, национальный памятник. Ну...- Прудников остановился, подбирая слова.- Ну, символ всех погибших за

родину. Одного солдата, которого не опознали, похоронили вместо всех, в их честь, и теперь это для всей страны как память.

- Подожди, не тараторь,- сказал Николаенко и, наморщив лоб, на целую минуту задумался.

Был он большой души человек, несмотря на грубость, любимец всей батареи и хороший артиллерист. Но, начав войну простым бойцом-наводчиком и дослужившись кровью и доблестью до капитана, в трудах и боях так и не успел он узнать многих вещей, которые, может, и следовало бы знать офицеру. Он имел слабое понятие об истории, если дело не шло о его прямых счетах с немцами, и о географии, если вопрос не касался населенного пункта, который надо взять. А что до могилы Неизвестного солдата, то он и вовсе слышал о ней в первый раз.

Однако, хотя сейчас он не все понял в словах Прудникова, он своей солдатской душой почувствовал, что, должно быть, Прудников волнуется не зря и что речь идет о чем-то в самом деле стоящем.

- Подожди,- повторил он еще раз, распустив морщины.- Ты скажи толком, чей солдат, с кем воевал,- вот ты мне что скажи!

- Сербский солдат, в общем, югославский,- сказал Прудников.- Воевал с немцами в прошлую войну четырнадцатого года.

- Вот теперь ясно.

Николаенко с удовольствием почувствовал, что теперь действительно все ясно и можно принять по этому вопросу правильное решение.

- Все ясно,- повторил он.- Ясно, кто и что. А то плетешь невесть чего - "неизвестный, неизвестный". Какой же он неизвестный, когда он сербский и с немцами в ту войну воевал? Отставить огонь! Вызовите ко мне Федотова с двумя бойцами.

Через пять минут перед Николаенко предстал сержант Федотов, неразговорчивый костромич с медвежьими повадками и непроницаемо-спокойным при всех обстоятельствах, широким, рябоватым лицом. С ним пришли еще двое разведчиков, тоже вполне снаряженные и готовые.

Николаенко кратко объяснил Федотову его задачу - влезть на холм и без лишнего шума снять немецких наблюдателей. Потом он с некоторым сожалением посмотрел на гранаты, в обильном количестве подвешенные к поясу Федотова, и сказал:

- Этот дом, что на горе, он - историческое прошлое, так что ты в самом доме гранатами не балуйся, и так наковыряли. Если что - с автомата сними немца, и все. Понятна твоя задача?

- Понятна,- сказал Федотов и стал взбираться на холм в сопровождении своих двух разведчиков.

* * *

Старик-серб, сторож при могиле Неизвестного солдата, весь этот день с утра не находил себе места.

Первые два дня, когда немцы появились на могиле, .притащив с собой стереотрубу, рацию и пулемет, старик по привычке толокся наверху под аркой, подметал плиты и пучком перьев, привязанных к палке, смахивал пыль с венков.

Он был очень стар, а немцы были очень заняты своим делом и не обращали на него внимания. Только вечером второго дня один из них наткнулся на старика, с удивлением посмотрел на него, повернул за плечи спиной к себе и, сказав: "Убирайся", шутливо и, как ему казалось, слегка поддал старика под зад коленкой. Старик, спотыкаясь, сделал несколько шагов, чтобы удержать равновесие, спустился по лестнице и больше уже не поднимался к могиле.

Он был очень стар и еще в ту войну потерял всех своих четырех сыновей. Поэтому он и получил это место сторожа, и поэтому же у него было свое особенное, скрываемое от всех отношение к могиле Неизвестного солдата. Где-то в глубине души ему казалось, что в этой могиле похоронен один из его четырех сыновей.

Сначала эта мысль только изредка мелькала в его голове, но после того как он столько лет безотлучно пробыл на могиле, эта странная мысль превратилась у него в уверенность. Он никому и никогда не говорил об этом, зная, что над ним будут смеяться, но про себя все крепче свыкался с этой мыслью и, оставшись наедине с самим собой, только думал: который из четырех?

Прогнанный немцами с могилы, он плохо спал ночь и слонялся внизу вокруг парапета, страдая от обиды и от нарушения многолетней привычки подниматься каждое утро туда, наверх.

Когда раздались первые разрывы, он спокойно сел, прислонившись спиною к парапету, и стал ждать - что-то должно было перемениться.

Несмотря на свою старость и жизнь в этом глухом месте, он знал, что русские наступают на Белград и, значит, в конце концов должны прийти сюда. После нескольких разрывов все затихло на целых два часа, только немцы шумно возились там наверху, громко кричали что-то и ругались между собой.

Потом вдруг они начали стрелять из пулемета вниз. И кто-то снизу тоже стрелял из пулемета. Потом близко, под самым парапетом, раздался громкий взрыв и наступила тишина. А через минуту всего в каких-нибудь десяти шагах от старика с парапета кубарем прыгнул немец, упал, быстро вскочил и побежал вниз, к

лесу.

Старик на этот раз не слышал выстрела, он только увидел, как немец, не добежав нескольких шагов до первых деревьев, подпрыгнул, повернулся и упал ничком. Старик перестал обращать внимание на немца и прислушался. Наверху, у могилы, слышались чьи-то тяжелые шаги. Старик поднялся и двинулся вокруг парапета к лестнице.

Сержант Федотов - потому что услышанные стариком тяжелые шаги наверху были именно его шагами,- убедившись, что, кроме трех убитых, здесь больше нет ни одного немца, поджидал на могиле своих двух разведчиков, которые оба были легко ранены при перестрелке и сейчас еще карабкались на гору.

Федотов обошел могилу и, зайдя внутрь, рассматривал висевшие на стенах венки.

Венки были погребальные,- именно по ним Федотов понял, что это могила, и, разглядывая мраморные стены и статуи, думал о том, чья бы это могла быть такая богатая могила.

За этим занятием его застал старик, вошедший с противоположной стороны.

По виду старика Федотов сразу вывел правильное заключение, что это сторож при могиле, и, сделав три шага ему навстречу, похлопал старика по плечу свободной от автомата рукой и сказал именно ту успокоительную фразу, которую он всегда говорил во всех подобных случаях:

- Ничего, папаша. Будет порядок!

Старик не знал, что значат слова "будет порядок!", но широкое рябоватое лицо русского осветилось при этих словах такой успокоительной улыбкой, что старик в ответ тоже невольно улыбнулся.

- А что малость поковыряли,- продолжал Федотов, нимало не заботясь, понимает его старик или нет,- что поковыряли, так это же не сто пятьдесят два, это семьдесят шесть, заделать пара пустяков. И граната тоже пустяк, а мне их без гранаты взять никак нельзя было,- объяснил он так, словно перед ним стоял не старик-сторож, а капитан Николаенко.- Вот какое дело,заключил он.- Понятно?

Старик закивал головой - он не понял того, что сказал Федотов, но смысл слов русского, он чувствовал, был такой же успокоительный, как и его широкая улыбка, и старику захотелось, в свою очередь, сказать ему в ответ что-то хорошее и значительное.

- Здесь похоронен мой сын,- неожиданно для себя в первый раз в жизни громко и торжественно сказал он.- Мой сын,- старик показал себе на грудь, а потом на бронзовую плиту.

Он сказал это и с затаенным страхом посмотрел на русского: сейчас тот не поверит и будет смеяться.

Но Федотов не удивился. Он был советский человек, и его не могло удивить то, что у этого бедно одетого старика сын похоронен в такой могиле.

"Стало быть, отец, вот оно что,- подумал Федотов.- Сын, наверно, известный человек был, может, генерал".

Он вспомнил похороны Ватутина, на которых он был в Киеве, просто, по-крестьянски одетых стариков-родителей, шедших за гробом, и десятки тысяч людей, стоявших кругом.

- Понятно,- сказал он, сочувственно посмотрев на старика.- Понятно. Богатая могила.

И старик понял, что русский ему не только поверил, но и не удивился необычайности его слов, и благодарное чувство к этому русскому солдату переполнило его сердце.

Он поспешно нащупал в кармане ключ и, открыв вделанную в стену железную дверцу шкафа, достал оттуда переплетенную в кожу книгу почетных посетителей и вечное перо.

- Пиши,- сказал он Федотову и протянул ему ручку.

Приставив к стене автомат, Федотов взял в одну руку вечное перо, а другой перелистнул книгу.

Она пестрела пышными автографами и витиеватыми росчерками неведомых ему царственных особ, министров, посланников и генералов, ее гладкая бумага блестела, как атлас, и листы, соединяясь друг с другом, складывались в один сияющий золотой обрез.

Федотов спокойно перевернул последнюю исписанную страницу. Как он не удивился раньше тому, что здесь похоронен сын старика, так он не удивился и тому, что ему надо расписаться в этой книге с золотым обрезом. Открыв чистый лист, он, с никогда не покидавшим его чувством собственного достоинства, своим крупным, как у детей, твердым почерком неторопливо вывел через весь лист фамилию "Федотов" и, закрыв книгу, отдал вечное перо старику.

- Федотов! - донесся снаружи голос одного из бойцов, наконец взобравшихся на гору.

- Здесь я! - сказал Федотов и вышел на воздух.

На пятьдесят километров во все стороны земля была открыта его взгляду.

На востоке тянулись бесконечные леса.

На юге желтели осенние холмы Сербии.

На севере серой лентой извивался бурный Дунай.

На западе лежал белеющий среди увядающей зелени лесов и парков еще не освобожденный Белград, над которым курились

дымы первых выстрелов.

А в железном шкафу рядом с могилой Неизвестного солдата лежала книга почетных посетителей, в которой самой последней стояла написанная твердой рукой фамилия еще вчера никому не известного здесь советского солдата Федотова, родившегося в Костроме, отступавшего до Волги и смотревшего сейчас отсюда вниз, на Белград, до которого он шел три тысячи верст, чтобы освободить его.

1944